

Поворот / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 21 января, 2025

Поворот / рассказ ПОВОРОТ

Одна-единственная машина тревожила пыль на проселке, ведущем в Саганали. И это была полуторка Дурдымурада. До того, как стать шофером, сорок лет жил он ничем особенным не выделяясь среди земляков, никаких пороков, впрочем как и достоинств за ним не числилось. Но потом жизнь круто повернула баранку его судьбы. Старенькая полуторка представлялась саганалинцам чем-то чудесным, чуть ли не даром небес их небольшому селу. Ведь это была самая первая и пока единственная здесь машина! Надо ли уточнять, что все разговоры вертелись вокруг нее. Каждому было известно, когда Дурдымурад выехал на ней в райцентр и когда предположительно вернется, а так же завелась ли нынче машина легко, с пол-оборота, или напротив, капризничала, как намедни. Вечерами саганалинцы собирались у дома Дурдымурада, чтобы полюбоваться грузовиком. Однажды дело этом не ограничилось и кто-то крикнул Дурдымураду, который чем-то занимался под капотом своей машины:

– Эй, друг, прокати! Проветримся на свежем воздухе. Дурдымурад отказал. Сказал, что машина не в порядке, но в другой раз он обязательно выполнит их просьбу. Люди и не подумали обидеться. С надеждой, что на днях ждет их необыкновенное приключение, разошлись они по домам. Но об обещании Дурдымурада не забыли и спустя несколько дней пришли вновь. Теперь были они настойчивей. Сколько Дурдымурад не придумывал отговорок, они стояли на своем, и вскоре стало ясно, что сегодня они разойдутся не прежде, чем покатаются. Дурдымурад некоторое время пребывал в нерешительности, но потом все же стал заводить грузовик. Люди так обрадовались, что никто не обратил внимания на его насупленный вид и сведенные у переносицы брови. Первыми, забыв об уважении, которое надлежит оказывать старшим, на штурм кузова бросились мальчишки. За ними последовали взрослые. Каждый боялся, что ему не хватит места.

Поднялся ужасный гвалт. Но в обиде никто не остался, каким-то образом все разместились. Тем временем Дурдымурад железной загогулиной, именуемой «рукояткой», пытался завести свою полуторку. Удалось это ему не сразу. Наконец мотор несколько раз чихнул, потом взревел и все вокруг затянуло густым, едким дымом. Кое-кто из пассажиров закашлялся. Но что такое – пару раз кашлянуть? Люди готовы были дышать бензиновой гарью день и ночь напролет, только бы удалось прокатиться. Когда дым развеялся, Дурдымурад обошел грузовик.

– Стоять в кузове запрещено! Все садитесь, – приказал он. – Я из-за вас в тюрьму попадать не собираюсь! Сели. Наконец машина медленно тронулась с места. Ну и ну! Все от мала до велика обрадовались так, точно летели на волшебном ковре-самолете. Но нет предела человеческим желаниям. Грузовик не проехал еще и несколько десятков метров, как кое-кому из сидящих захотелось встать, чтобы сполна насладиться поездкой. Сначала запрет Дурдымурада нарушили те, что были ближе к кабине, там, где можно держаться за высокий деревянный борт. За ними, хватаясь за плечи стоящих впереди, поднялись остальные. Встречный ветер приятно охлаждал щеки и щекотал в носу. Людям, впервые оказавшимся в кузове грузовика, казалось, что им досталось все счастье мира. И надо же!.. Все это невообразимое количество счастья без особой натуги везла по пыльной сельской улице старенькая полуторка Дурдымурада. Машина доехала до околицы и повернула обратно. Завидев ее останавливались удивленные прохожие, выбегали из домов любопытные, с завистью глядя вслед счастливым. С тех пор каждый вечер у дома Дурдымурада было настоящее столпотворение. И ему приходилось проявлять немало изобретательности, чтобы отказать очередным желающим покатайся на машине. Но что скажешь старейшинам села почтеннейшим Гельдымураду-ага и Сеидали-ага, которые ходят, опираясь на палочки и еле передвигая ноги! Однако не поленились, пришли как раз к тому часу, когда Дурдымурад вернулся из города. – Люди говорят, что прокатиться на твоей машине воистину райское наслаждение. Вот и мы не устояли перед соблазном. Не откажи, родной, прокати нас на своем железном коне! Дурдымурад не посмел противиться желанию аксакалов, тем паче, что

Гельдымурад-ага приходился ему дядей. Не сказал ни да, ни нет. Но старики и не думали ждать его разрешения. Решительно направились к полуторке и по обычаю стали из вежливости уступать друг другу очередь первым подняться в кузов: «Ты садись, Сейдали!», «Нет, нет, только после тебя, дорогой Гельдымурад!». Дурдымурад помог им. Через миг старики оказались в кузове и устроились там, крепко вцепишись в передний борт и улыбаясь, точно им посчастливилось найти клад. Грузовик осторожно тронулся с места. Поддерживая друг друга, аксакалы стояли в кузове и с достоинством отвечали на улыбки и приветствия прохожих. Они любовались родным селом и его обитателями. С высоты все выглядело неожиданно новым. Старики переглянулись. Им даже слов не потребовалось, чтобы поведать друг другу о своих чувствах. Да, эта машина – большое дело! Жаль только ездит быстро. Не успели они и глазом моргнуть, как грузовик достиг холмов, что к югу от села, развернулся там и вот уже затормозил рядом с домом Дурдымурада, откуда они только минуту назад, кажется, выехали. Дурдымурад уверенный, что на этом его благородная миссия закончена, заглушил мотор, вылез из кабины и направился к дому. На пороге оглянулся, чтобы попрощаться со стариками, и увидел, что те до сих пор сидят в кузове.

– Племянник, постой! – окликнул его Гельдымурад-ага.

– Подойди-ка сюда, разговор имеется. Дурдымурад вернулся, подошел к заднему борту и протянул старикам руку:

– Слезайте!

– Руку можешь пока опустить, племянничек, – сказал Гельдымурад-ага. – Мы, слава Аллаху, и сами вылезти можем, если захотим. Только не насытились еще. Что это за путешествие?.. Раз, два и... приехали! Ты уж нас повози на своей машине, как следует, чтобы мы на старости лет поняли, что к чему.

– Нет, уважаемые аксакалы, никак не могу. Эта машина не моя, а государственная. Бензин, сами понимать должны, на строгом учете. И машину мне государство дало не для того, чтобы вас, Гельдымурад-ага, и вас, Сейдали-ага, катать.

– Ничего, не обеднеет твое государство, – успокоил племянника

Гельдымурад-ага. – Тебе еще спасибо скажут, что уважил двух старейших колхозников, – добавил он, с мольбой глядя на Дурдымурада.

– Не судьба, видно, приятным насытиться, – со вздохом произнес Сейдали-ага.

– Ладно, приятель, надо и меру знать, – тронул он за рукав Гельдымурада-ага.

– Слазим! Но не успели они еще приступить к осуществлению этого намерения, как Дурдымурад вскочил в кабину и включил зажигание. Мотор взревел, и машина рванула с места так, что Сейдали-ага едва смог удержать своего ровесника, собравшегося вылезать из кузова.

– Да, друг мой, похоже, твой племянник рассердился, – сказал Сейдали-ага, усаживаясь на полу рядом с Гелдымурадом-ага.

– Нехорошо получилось, – признал Дурдымурад-ага. – Надо было вылезти и поблагодарить, да только кто мог подумать, что он стал таким заносчивым. Ладно, как бы там ни было, покатаемся еще немного. Нет, ты только посмотри, что этот негодник делает! – воскликнул он.

– Несется, словно бешеный бык! Машина, подпрыгивая на ухабах, мчалась все быстрее и быстрее. Стариков кидало из стороны в сторону. Им даже не за что было ухватиться. Они не на шутку перепугались, да и было отчего: такая тряска любую душу из тела вытрясет, тем паче если тело это уже не первой молодости, да к тому же изрядно потрепано всякими болезнями.

– Ты что делаешь, Дурдымурад?! – крикнул Гельдымурад-ага. – Веди машину по-человечески!

– Погубить нас решил, – сказал Сейдали-ага. – Ну, и шуточки у твоего племянника! Машина, растянув за собой длинное облако пыли, летела быстрее стрелы. И неизвестно, чем бы закончилась эта поездка для аксакалов, если бы Дурдымурад не утомился. Он затормозил возле своего двора, вылез из кабины и, громко хлопнув дверцей, ушел в дом. Из кузова не доносилось ни звука. Старики без сил лежали на дне кузова, недвижимые, словно их души уже покинули наш бренный мир. Прошло не меньше получаса, пока они отдышались. Весть о том, как «с ветерком» прокатились аксакалы, облетела Саганали если уж не быстрее легконогого

ахалтекинца, то наверняка дав сто очков форы полуторке Дурдымурада. Через день это было известно уже всей округе, и если встречались два человека, то разговор непременно касался этого необычайного происшествия. А так как всякому хотелось показать свою особую осведомленность, история зажила своей собственной жизнью, то разрастаясь до масштабов космического бедствия, то суживаясь до сухого перечисления фактов – все зависело от того, кто рассказчик. Надо ли уточнять, что мнения саганалинцев как всегда разделились.

– Разве мыслимо так пожилых людей мучать? – говорили одни. – В конце концов, если не хочешь сделать доброе дело, так и скажи, мол, извините, уважаемые аксакалы, но катать вас не буду. Нет, порядочные люди так не поступают!

– Интересно, как бы ты сам запел, окажись на месте Дурдымурада. И так от зари до зари человек горбатится, бензиновой вонью дышит, так ему и вечерком отдохнуть нельзя. На кой черт, спрашивается, лезть на старости лет в кузов? Сиди дома, пей чаек и жди, когда тебе «деревянный автомобиль» подадут. Нет, если один раз людей как следует не проучить, они тебе в конце концов на голову сядут. Всем не угодишь... Когда отголоски этих споров долетали до Дурдымурада, он принимался ворчать:

– Всем хочется удовольствие получить, а отдуваться должен Дурдымурад. Какая, спрашивается, мне от этого польза?.. Старейшины села хотели поставить в этой истории точку и как-то вечером явились к Дурдымураду.

– Ты, Дурдымурад, поступил нехорошо! – сказали они. – Ступай и попроси у стариков прощения! Однако разговор не получился.

– Люди, я вас, кажется, не беспокою?.. – сказал в ответ Дурдымурад. – Вот и вы меня, пожалуйста, в покое оставьте! Такое в Саганали случилось впервые. Да, да! Не было в истории села случая, чтобы кто-то посмел ослушаться старших, не посчитаться с их мнением. А все из-за проклятой полуторки! Именно она посеяла в селе, где до той поры слова аксакалов считались святыми, семена раздора и склоки. (Когда пять лет спустя началась вторая мировая война, многие саганалинцы искренне полагали, что причиной тому явились автомобили и, в

первую очередь, конечно же, машина их земляка Дурдымурада!) Старики после той злополучной поездки больше месяца не вставали с постелей. Саганалинцы, которые всегда почитали себя детьми одного очага, членами большой и дружной семьи, не отходили от них и, чтоб облегчить страдания Гельдимурада-ага и Сейдали-ага, развлекали их разговорами, а заодно на чем свет стоит костерили Дурдымурада.

– Да что вы себя с ним ровняете? – говорили люди. – Кто он против вас? Пустое место! Считайте, что его и нет вовсе! Мы к нему так и будем относиться! Только одно дело – сказать, и совсем другое – жить, делая вид будто одного из твоих земляков как бы не существует. Обстоятельства разные случаются: рад бы человека не видеть, да нужда толкает к его порогу!.. Сам же Дурдымурад бодрился и делал вид, что ему все ни по чем.

– Мне от их обид, – говорил он, – между прочим, никакого убытку. Захотели лишиться удовольствия – пожалуйста! Мне-то что?.. На рассвете он на своей тарахтелке уезжал в райцентр, а возвращался оттуда уже в сумерках. Но мальчишки по-прежнему поджидали его. Прокатиться, держась за задний борт грузовика, скажу вам, удовольствие ничуть не меньшее, чем трястись в его кузове. Правда, для этого нужна смелость, но храбрецы в Саганали никогда не переводились. Уцепится такой сорви-голова за борт, едет и еще рожи строит тем, кто не решился составить ему компанию: глотайте, мол, пыль, если боитесь! Кое-кто из смельчаков даже пытался перебраться в кузов, но Дурдымурад всегда пресекал подобные проникновения на его суверенную территорию. Только заметит нарушителя, сразу ударит по тормозам, выскочит с перекошенным от злобы лицом и худо будет тому, кто не успеет вовремя улизнуть. Один парнишка соскочил, да неловко – подвернул ногу, упал и воет от боли. А Дурдымурад схватил его за ухо, поднял точно кутенка и – бац! бац! – влепил пару звонких пощечин. Потом сел в машину и, как ни в чем не бывало, укатил. Через полчаса родители того мальчишки пришли к Дурдымураду.

– Беда, Дурдымурад! Сын наш, видно, ногу сломал, ступить не может, плачет от боли. Надо его к лекарю отвезти.

– Я его что-ли заставлял за машину цепляться? Нет, никуда не

поеду! После этого случая мальчишки все реже рисковали цепляться за задний борт, впрочем, если кто из них и набирался дерзости, Дурдымурад делал вид, что его не замечает. Большинство саганалинцев, заметив на дороге машину Дурдымурада отворачивались, но некоторое, особенно если это случилось подальше от села, просили подбросить до райцентра. Дурдымурад только прибавлял газу.

– Что за люди пошли! – возмущался он. – Только и ищут себе пользы. Жили же, когда у меня машины не было. Что же теперь им так же спокойно жить мешает? Однажды в дверь его дома постучали среди ночи. Стучали долго. Наконец заспанный Дурдымурад отворил дверь. – С добром ли явились? – спросил он у людей, что стояли у крыльца.

– Нет, Дурдымурад, с бедою, – сказал сельский фельдшер.

– Сын Гельдымурада-аги тяжело заболел, надо его в больницу везти.

– А чтоб вы делали, не окажись меня в селе?.. Или если бы машины у меня не было?..

– На телеге не довезем.

– Машина – государственная. И государство ее выделило не больных возить, а зерно.

– Выручи, Дурдымурад, – взмолился молчавший до того Гельдымурад-ага. – Сын мой при смерти...

– А если начальство узнает?

– Что ж они, не люди? Объясним...

– Вам, дядя, легко рассуждать. Объясним... Им только попадись!

– Ладно! Хватит болтать! Повезешь или нет?

– Что вы на меня, дядя, кричите?! Люди пошли прочь. И только Гельдымурад-ага в воротах остановился и, рубанув рукой воздух, крикнул:

– Даже в день скорби не перешагну твой порог!.. Будь я проклят, если нарушу эту клятву! На следующий день Саганали погрузилось в траур: сын Гельдымурада-ага умер двадцати двух лет от роду. Проводить его пришел и Дурдымурад. На него никто не обращал внимания, впрочем это и не обязательно на похоронах и поминках.

– Ах, сынок мой, сынок! – причитал, обливаясь слезами

Гельдымурад-ага. – Сокрушил ты меня, испепелил ты мое сердце! Как переживу это горе? Почему я не ушел вместо тебя? Отчего Аллах нарушил очередность? Только надо заметить, что смерть не признает никаких очередей. Нет для нее ни молодых, ни старых – разит наугад, хватает любого, кто ей приглянулся, и кидает его в сыру-землю. Забрав без очереди сына Гельдымурада-ага, некоторое время спустя пришла она в Саганали вновь и на этот раз за Дурдымурадом. Она свела его с неизлечимой болезнью – раком, а уж та всего пару недель разъела Дурдымураду все нутро. Он отошел среди ночи, с широко раскрытыми глазами, словно не успел насмотреться на этот мир, и эта плохая новость облетела село еще до того, как высохла ночная роса на травах. Жена Дурдымурада, сидя в головах у покойника, горько причитала, оплакивая мужа. Она голосила, но люди будто не слышали ее плача. Солнце уже достигло зенита, а только пять-шесть человек собрались во дворе. Наконец она поняла, почему никто не приходит, и от этого ее вой сделался еще громче, еще безысходней. Она, бедняжка, чуть умом не тронулась.

– О, господи! Будь проклята черная судьба! Не хотят люди разделить со мной боль утраты! Что ж это такое? Уж лучше и мне уйти, чем видеть такой позор! О-о, горе мне, горе! Она выбежала из дому и, воздев руки, запричитала:

– О-о, я несчастная!.. Никому нет дела до нашего горя. Будь проклята эта машина! Ее мольбы наконец проникли за закрытые двери домов и растревожили сердца саганалинцев. Первым, не поднимая головы, пришел Гельдымурад-ага и стал успокаивать жену покойного:

– Не плачь! Возьми себя в руки!

– Как же мне не плакать!.. – вопила она. – Лишилась я опоры... Как же не плакать... Понемногу двор стал наполняться людьми. И хотя в свое время Дурдымурад лишь немногих удостоил чести покататься на его машине, теперь саганалинцы готовы были на своих собственных плечах нести его в последний путь...

Осман ОДЕ Некаýалар